

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Без вины преступница
С первого взгляда	Пленная птица счастья
Второй подарок судьбы	Ничего личного, кроме боли
Зеленые глаза викинга	Заговор обреченных
Тайна, приносящая смерть	Узнай меня
Цвет мести – алый	Заповедник потерянных душ
Не доставайся никому!	Ангел мщения
Чужая жена – потемки	Первый шаг к пропасти
Возвращаться – плохая примета	Вкус запретного плода
Врачебная тайна	Исповедь обманутой жены
Призрак другой женщины	Свидетельницы зла
Тайну хранит звезда	Королева отшельников
Семь лепестков зла	Игры небожителей
Свидание на небесах	Грех с ароматом полыни
Ведьма отмщения	Кукла-любовь
Программа защиты любовниц	Позови ее по имени
Кинжал в постели	К северу от любви
Гнев влюбленной женщины	Пепел прошлого
Лучший день в году	Без крестной феи
Нирвана для чудовища	Псевдоним украденной жизни
Незнакомка с тысячью лиц	Цена откровения
Последнее прибежище негодяя	Конец игры с продолжением
Счастье с третьей попытки	Шоу семейных секретов
Подвенечный саван	В интересах личного дела
Заключение счастья	Правда персонального формата
Торговка счастьем	Простить нельзя помиловать
Амур с оптической винтовкой	Лабиринт простых сложностей
Мсть Спящей красавицы	Теория вероятного чуда
Демон ревности	Забавы мертвых душ
Преступно счастливая	Преступные игры гения
Изменница поневоле	Тайна за семью печалями
Закон сильной женщины	

ГАЛИНА РОМАНОВА

**ЧЕРТ ИЗ ТИХОГО
ОМУТА**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 **Черт из тихого омута** : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190933-8

Разве Соня Перова, девушка из хорошей семьи, могла предположить, что ее скромная персона привлечет внимание неведомого врага? А такой враг у Сони явно имеется: ее обвиняют в убийстве совершенно незнакомого человека. К тому же возлюбленный Сони ведет себя как-то странно — оказывается, он не только участник, но даже инициатор этих криминальных событий. Как жить, когда привычный мир рушится? Чем старательнее Соня пытается понять, что происходит, тем сильнее запутывается. Неужели ей так и не доведется узнать, кто все это подстроил?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190933-8

© Романова Г.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

У Софьи Перовой имелось три жизненно важных правила, которым она никогда и ни при каких обстоятельствах не изменяла.

Первое правило — вынесенное ею из детства вместе с колыбельной и сказками про Карлсона: никогда не разговаривать с незнакомцами.

Правило второе — очень удачно помогающее ей избегать проблемных ситуаций в жизни: никогда не совать нос в чужие дела.

И правило третье — очень плавно вытекающее из первых двух: никогда и ни при каких обстоятельствах не позволять навязывать себе ненужных ситуаций.

Руководствуясь этими правилами, Софья Перова беспроblemно дожила до двадцати четырех лет и через неделю готовилась встретить свое двадцатипятилетие.

— Сонечка, нужно купить еще майонеза! — беспокоилась ее мама, Вера Ивановна Перова, детский врач их районной поликлиники. — Вдруг Стуколовы нагрянут... И сыра мало, кажется. Ты как думаешь, детка?

Детка никак не думала. Детка была абсолютно и безмятежно счастлива в лоне любящей ее семьи.

Она знала, что мама сделает все правильно. Папа ей поможет. И первого ноября — в день ее рождения — стол будет ломиться от яств. И гостей будет полон дом. И будет много подарков и искренних теплых слов в ее адрес. А потом они останутся втроем: она, мама и папа. Будут долго разбирать подарки. Потом начнут убирать со стола. Папа расставит тарелки в посудомоечной машине — его подарок маме к годовщине их свадьбы. А Соня с мамой накроют свое собственное застолье не в гостиной, а уже в кухне.

Они рассядутся каждый на свое место. Папа в самый угол, под кашпо с пышными гроздьями полосатой традесканции. Мама рядом с ним. А Соня напротив них, таких родных и любящих друг друга, и прежде всего ее — свою единственную дочку. Они будут пить чай с оставшимся от торжества тортом и долго и мило беседовать.

И Соне будет так хорошо, тепло и уютно с ними рядом. Так мирно и надежно, что захочется сладко замурыкать, уткнувшись в их родные плечи. У нее, кстати, с раннего детства ощущение счастья было именно таким: теплым и уютным. Все свои двадцать пять неполных лет она прожила, укрывшись родительской заботой и любовью, словно огромным пуховым одеялом, из-под которого не хочется высовывать нос ни при каких обстоятельствах...

Все это будет уже через семь дней. Пять дней рабочих и два выходных. И в следующий понедельник... Уже в следующий...

— Перова! — визгливый голос Татьяны Ребриковой, старшего программиста из отдела АСУП, вывел Соню из благостных мечтаний. — Что там с компьютером из материального отдела? У них сро-

ки по квартальному отчету летят ко всем чертям, а ты в окно таращишься! Чего ты там всякий раз находишь интересного, не пойму!

Где ей было понять — взнузданной жизненными проблемами тетке в потном измятом форменном халате — правильную и нежную Софью Перову! И не увидит она никогда за окном того, что видит Софья. Потому что мысли ее постоянно заняты тем, как не опоздать сегодняшним вечером на электричку, а перед этим успеть обежать все магазины, заскочить к больной матери и оставить ей продуктов на день-другой. А потом тащиться еще километров сорок в переполненном вагоне и выходить в темную осеннюю слякоть с сумками наперевес. Притащить затем их в свой крохотный домик в пригородном поселке и тут же кидаться к плите, и начинать стряпать ужин на сегодня и завтрак с обедом на следующий день для мужа и сыновей...

Нет, такие женщины никогда не увидят в нежном трепете последнего кленового листа за окном ничего романтического. Скорее посетуют на то, что сейчас этот самый лист сорвется с озябшей ветки и непременно прилипнет к окну и останется там до заморозков. А потом тут же забудут о нем, с головой окунувшись в рутину повседневных дел.

Софья Перова никогда не позволит жизни совершить с собой подобные метаморфозы. Она не станет делать химических завивок, как Татьяна Ребрикова, и никогда не будет носить измятый, пахнущий потом халат, потому что так удобно и не требуется дополнительных усилий на то, чтобы выглядеть прилично. Она не станет носить с собой в сумке бутербродов с домашним салом и колбасой и вонять ими потом на весь кабинет. И уж, конечно

же, она никогда не выйдет замуж за такого неудачника, как муж Татьяны.

Самого его Соня никогда не видела, но наслышана была предостаточно. И то, что девушка слышала, ее страшно изумляло. Нет, ее избранник не будет вынужден искать работу по полгода, а потом тут же увольняться только из-за того, что кому-то не понравились его старые нечищенные ботинки. И уж, конечно же, ее будущий супруг не позволит ей жить в таком захолустном местечке и в таких условиях, в которые загнал свою семью муж Татьяны Ребриковой.

Вообще-то Соня против своей начальницы ничего такого не имела. Просто достаточно часто соприкасалась с ней в процессе своей трудовой деятельности, гораздо чаще, чем с другими женщинами в их управлении, потому и внимание ее акцентировалось исключительно на ней. А что до других... До других ей просто-напросто не было дела. В предпраздничных вечеринках она участия никогда не принимала, поспешая домой к маминым пирогам и задушевному папиным беседам. На откровенные ухаживания коллег по работе она недоуменно пожимала плечами. А для того, чтобы с кем-то сблизиться просто на дружеской ноте, у нее не хватало ни времени, ни желания.

— Софья! — голос начальницы ударил по барабанным перепонкам. — Иди сюда немедленно!

Перова выбралась из своего рабочего закутка и, красиво переступая аккуратными ступнями в дорогах, ручной работы ботиночках, поспешила на зов.

— Если звонят из материального, то скажите, что у меня все готово, — поспешила опередить

Татьяну Ребрикову Соня, покорно склоняя голову к правому плечу. — Уже несусь.

— Хорошо, хорошо, — Татьяна замахала нетерпеливо в ее сторону кипой каких-то бумаг. — Черт знает что! Никому ничего поручить нельзя! А я двухильная, что ли? Ты бы хоть напомнила мне...

Соня была девушкой глазастой и в бумагах без труда узнала оплаченные счета за новое оборудование для компьютерного зала, который собирались запустить в эксплуатацию к Новому году. Она к тому же еще была и сообразительной девушкой, поэтому также с лету поняла, что у ее начальницы за проблема.

Проблема заключалась в рассеянности Татьяны. И скорее даже не в рассеянности, а в ее внутреннем неприятии нудной возни с различными бумажками. Программистом Татьяна была от бога, а вот делопроизводителем — никаким. Видимо, счета были принесены из канцелярии еще на прошлой неделе. И были положены ей на стол, где и пролежали невостребованными несколько дней. Сегодня, очевидно, вопрос об оборудовании, так и не полученном со склада, был поднят на селекторном совещании, и Татьяна опомнилась.

— Сонька, что делать будем? — Ребрикова указала ей на стул сбоку от своего стола. — Сядь, не стой столбом. И давай покумекаем, что можно придумать...

Придумывать особенно было нечего. За оборудованием нужно было ехать и получать его со склада уже через неделю. То есть...

— Да, да, именно первого числа! — снова повысила голос Татьяна, заметив растерянность своей подчиненной. — В понедельник. Так что подбивай

на этой неделе все свои дела. Подчищай все хвосты. И в понедельник двинешь в командировку.

От того, какой горечью мгновенно зашло сердце Сони Перовой, она едва не расплакалась.

Как первого?! Как в понедельник?! У нее же... У нее же юбилей! Это же кощунственно — посылать человека за двести с лишним верст за покупкой оборудования именно в такой день. Пусть едет кто-нибудь другой!

— Кто, например? — Ребрикова раздраженно задвигала ящиками стола. — Все, кто может ехать, уже уехали, и, между прочим, гораздо дальше, чем предстоит тебе. Выедете пораньше, там вас уже будут ждать. Чем оперативнее сработаете, тем быстрее вернетесь. Никуда твой юбилей не денется. Вот радость какая: на год старше стала! Морщин только прибавится...

Что ей можно было объяснить — этой запрограммированной на собственный быт женщине?! Что могла она понять, кроме того, что на субботу у нее намечается грандиозная стирка, а погода, кажется, портится. И брюки ее мальчишек ни за что не просохнут к понедельнику...

Нет, Соня не станет ей ничего объяснять. Потому что Ребрикова все равно ничего не поймет. Между ее и Сониным понятием о счастье и домашнем уюте лежит целая пропасть.

— Слышишь, Перова, — устало окликнула ее начальница, когда Соня уже почти скрылась за дверью. — Ты это... Не переживай так шибко. Там быстро все делается. Если рано уедете, то вернетесь раньше, чем рабочий день закончится. А я тебе доплату в этом месяце проведу, рублей четыреста.

И командировочные получишь... Надо, Сонька, пойми.

Когда Ребрикова начинала говорить таким вот извиняющимся тоном, Соне Перовой всегда становилось неловко.

— Надо — значит, надо, — покорно кивнула Соня. — Вы мне только подробнее расскажите все и телефонами контактными снабдите, чтобы мне там не быть слепым котенком.

— А, ладно, это все ерунда по сравнению с мировой революцией, — беспечно махнула рукой Татьяна и некрасиво заткнула за уши выжженные химической завивкой пряди волос. — У нас впереди целая неделя. Будет еще время для подробного разговора. А сейчас — бегом в материальный отдел. Мне Самохин уже всю плешь проел с самого утра. Не стой столбом, Сонька! Бегом!..

Перова упорхнула из кабинета начальницы и уже через пять минут втаскивала в кабинет материального отдела бухгалтерии отремонтированный процессор.

— Наконец-то! — старший бухгалтер-ревизор Самохин Володя подскочил со своего места и колбком подкатился к Соне. — Давайте-ка сюда, до рогуша. Я сам его пристрою, где мне удобно. А вы уж потом подключите все свои провода...

Манипуляции с процессором заняли минут пять, не больше. Но и этого времени Соне хватило, чтобы почувствовать себя абсолютно раздетой, выпотрошенной и разложенной по полочкам.

Ох, как не любила она бывать в этом отделе! Единственный кабинет из двадцати трех, где она не любила бывать. А все из-за этой белокурой нимфы с томным скучающим взглядом, сидевшей по пра-

вую руку от Самохина. Все из-за нее! Единственная из пяти обитателей кабинета, под чьим взглядом Соне становилось нехорошо.

Кажется, ее звали Ольга. Точно, Ольга Ветрова. Перова однажды наткнулась в базе данных на ее личное дело. Она тогда как раз занималась компьютером в отделе кадров. Тот сбоил безбожно. Соне пришлось над ним изрядно попотеть. А потом еще полдня гонять его на предмет усвояемости вживленных деталей. Тогда-то ей и попалось на глаза личное дело Ольги Ветровой.

Ольге было тридцать пять лет. Она имела высшее хореографическое образование, мужа — инженера-конструктора, сына-подростка и младшую дочку. Еще она имела два года танцевального стажа в одном из столичных театров. Годичную стажировку во Франции. Потом был длительный перерыв в записях в трудовой книжке, и возобновились они лишь год назад, когда Ольга устроилась бухгалтером-ревизором в их фирму.

Соня тогда, помнится, подивилась жизненным перипетиям этой женщины. Такое красивое многообещающее начало — и такой прозаический финал! Но потом почти сразу же забыла об этом, окупившись в гушу трудовых будней.

Ольга сама напомнила о себе, причем совсем недавно. Как раз тогда у них полетел компьютер, и Соня была вынуждена полдня проторчать в их кабинете. Ветрова тогда перешагнула все возможные пределы, наплевав на правила хорошего тона.

- Что у тебя за духи?..
- Каким лосьоном для лица ты пользуешься?..
- А джинсы у тебя чьи?..
- Надо же... Как ты ухитришься сохранять в

таким порядке свой маникюр, копаясь в этих отвратительных железках?..

Это был лишь самый малый перечень вопросов, которыми Ольга Ветрова забросала бедную Сою. И если учесть, что до сего времени они даже не здоровались, сталкиваясь в коридоре или на лестнице, то подобное любопытство выглядело более чем странным. И это в присутствии еще четырех человек, трое из которых были мужчинами...

— Соня, Соня, — не удержалась-таки Ольга от реплики, когда Перова уже почти скрылась за дверью их кабинета. — Никак тебя не пойму...

Перова была девушкой вежливой и приостановилась, сочтя, что выйти из кабинета, не дослушав, будет некрасиво. Она чуть повернула голову в сторону стола, за которым королевой восседала Ветрова, и вопросительно уставилась в ее холодные, изумительной голубизны глаза.

— Зачем такой очаровательной девушке возиться с грубыми железками? Понятно было бы, если бы ты нуждалась, но...

— Но что? — рассеянно поинтересовался Володя Самохин, колдуя над клавиатурой и не поднимая глаз на женщин.

— А то! — фыркнула Ветрова, выдвигая из-за стола шикарней длины ноги профессиональной танцовщицы и грациозно закидывая их одна на другую. — Что ее зарплаты на ботинки ручной работы вряд ли хватит. Да и свитерок, смотрю, из исландской шерсти. Я не ошиблась, Соня?

— Нет, — Перова пожала плечами, недоумевающая, что же все-таки эта женщина от нее хочет. — Папа привез, именно оттуда.

— А что же при таком папе наша милая Соня

делает здесь? — красивые губы Ольги нервно дернулись в уголках.

— В настоящий момент слушаю вас, — вежливо ответила Соня, чувствуя себя словно на лобном месте под взглядами бухгалтеров, коллег Ветровой.

— Ну-ну, — длинные ноги поменялись местами, и точеная ступня в туфле на высоком каблучке начала тихонько покачиваться.

— Слушай, Ольга, — вступился тут за Перову один из ее коллег, звали его Геной, и он пару раз напрашивался к Соне в провочатые, но был безжалостно отвергнут и попыток больше не повторял. — Отстань ты от человека. Каждый волен заниматься тем, чем он хочет. Ты вон тоже здесь не по доброй воле сидишь...

Соня посмотрела на Гену с благодарностью, граничащей с многообещающим теплом, и в образовавшуюся паузу поспешила улизнуть из кабинета материального отдела бухгалтерии.

Скорее бы домой! В тепло и уют их милой квартиры. Где всегда вкусно пахнет жареным мясом и свежими бисквитами. Где можно забраться с книжкой под любимый клетчатый плед в своей комнате. И читать. И ни о чем не думать: ни о Ветровой, ни о ее необъяснимых колкостях. Ни о том, почему же Соня в самом деле выбрала эту профессию. Просто сидеть, укрывшись пледом, и перелистывать страницу за страницей. Погружаться в выдуманный красивый мир, лишь совсем немного похожий на тот, в котором она сейчас жила, и ни о чем таком не думать. И еще немножечко мечтать. Мечтать, совсем чуть-чуть, о несбыточном и совсем чуть-чуть — о запретном...

— Перова!

Господи! Ну почему сегодня всем что-то от нее нужно?! Почему именно сегодня — в понедельник?! Начало дня ознаменовало себя неприятным известием о грядущей командировке. Потом эта Ветрова. Теперь как следствие Гена...

Соня остановилась, приваливаясь плечом к стене коридора, и с плохо скрытым неудовольствием наблюдала за тем, как Гена осторожно движется в ее направлении.

Гена шел, выверяя каждый свой шаг. Девушке на какое-то мгновение стало даже жаль его. Такой высокий, крепкий, с претензией на то, чтобы считаться привлекательным, а уже инвалид. Кто-то еще в самом начале ее трудовой деятельности в этой фирме доверительным шепотом сообщил ей, что Гена пострадал в результате несчастного случая и со здоровьем у него не очень-то. Так что такой молодой перспективной девушке не нужно бы увлекаться всякими чудачками, прозябающими в их бухгалтерии. Ну и все такое прочее... Соня в подобные доброжелательные напутствия вслушивалась невнимательно, считая Гену из бухгалтерии героем не своего романа. И не в его инвалидности было дело, а в том, что...

Гена не дал ей додумать до конца эту мудрую мысль.

— Соня, — он подошел почти вплотную к ней и несколько минут молчал, пытаясь восстановить дыхание. — Ты не очень расстроилась из-за Ольги?

— Нет, что ты, — поспешила девушка его успокоить, и все еще надеясь избавить себя от беседы с ним. — Все в порядке.

— В самом деле? А мне показалось...

Его темно-карие, почти черные глаза смотрели

на нее... так странно, так пронзительно, что Соне сделалось нехорошо. Почему он окликнул ее? Зачем поспешил догнать? Что ему от нее нужно? Что может означать этот взгляд, трудно поддающийся объяснению?

— Все в порядке, — как можно тверже повторила Соня и совсем уже было собралась уйти, как Гена вдруг схватил ее за локоть и крепко сжал. — Гена! В чем дело?

Он молчал. Его глаза все с тем же напряжением исследовали ее лицо и прическу. Затем взгляд медленно пополз вниз и, задержавшись какое-то время на ее груди, вновь вернулся к изучению ее лица. И при этом он продолжал молчать и цепко удерживать ее руку в своих крепко стиснутых пальцах.

Вначале Соня опешила, потом разозлилась, а где-то минуты через три ее начал пробирать страх. Но вырваться и грубить ему прямо здесь — в коридоре — она не могла. Во-первых, не позволяло воспитание, а во-вторых... во-вторых, ее вдруг разоблало любопытство. Определить природу его возникновения Соня затруднилась бы. Может быть, оно было разбужено страхом? Может быть, причиной тому был странный взгляд Гены? Но ей вдруг стало интересно: что будет дальше?

— Итак, Гена... — вкрадчиво-ласковым тоном обратилась к нему Соня. — Ты что-то хотел?

— Да, — севшим голосом пробормотал он и для убедительности кивнул головой. — Хотел... Я хотел бы встретиться с тобой.

Тут он внезапно замолчал, словно споткнулся обо что-то. Несколько ослабил хватку и даже, кажется, попробовал погладить ее ноющий локоть. Получилось неубедительно и малоощутимо, пото-

му что на Соне был толстый шерстяной свитер, а сверху еще и рабочая куртка. Но не это было важным, а то, что сказал Гена после паузы. Это настолько смутило бедную Соню Перову, что поначалу она даже не нашлась, что ему ответить.

— Я хотел бы встретиться с тобой у себя дома и уже никогда, никогда не расставаться... — заговорил Гена быстро-быстро, словно боялся, что она сейчас перебьет его и тогда он непременно спутает все слова. — Хотел бы, чтобы ты была матерью моих детей. Чтобы мы вместе с тобой катали детскую коляску и говорили без умолку. Нет, чтобы говорила все время ты, а я бы слушал твою милую болтовню и был бы бесконечно счастлив от того, что ты рядом, Соня... Ты удивлена, я знаю. Но мне понадобилось слишком много времени для того, чтобы решиться сказать тебе об этом. И я также знаю, что никогда не повторю этого больше. И еще я знаю, что ты ответишь мне «нет»... Поэтому, я прошу тебя, молчи! Ради всего святого, молчи! Просто прими это к сведению... Знай, что есть на свете один чудак, которому небезразлично, почему ты грустишь и редко смеешься. И который все отдаст на свете, чтобы ты была счастлива. А сейчас уходи! И, пожалуйста, не смотри на меня так!

— Как? — только и могла выговорить Соня, потому что и сама не знала, как она сейчас на него смотрит.

— Как на сумасшедшего, — кивнул он, словно заранее соглашался с ее диагнозом, который же сам за нее себе и поставил. — Уходи, Соня, я сейчас противен даже самому себе, что уж говорить о тебе... Уходи!

Она покорно заспешила к двери своего кабинета.

та, до которого было чуть больше пяти метров. Но потом все то же любопытство заставило ее остановиться и, вытягивая из непонятно каких глубин странное, не свойственное ей кокетство, проговорить:

— А... тебе даже неинтересно, что я обо всем этом думаю?

Гена не стал ей отвечать. Повернулся и, уже совершенно не заботясь о своей походке, пошел прочь. Он сильно припадал на левую ногу, но странное дело — Соне это не казалось неприятным. Как раз наоборот, когда он шел ей навстречу и выверял каждый шаг, осторожно ступая на правую и затем медленно вынося вперед левую ногу, он казался ей более неловким. Сейчас же все изменилось. И его походка, и ее отношение к нему.

Соня смотрела сейчас вслед высокому темно-волосому парню с таким настойчивым горящим взглядом и размышляла.

Изменилось ли что-нибудь для нее после его признания? Пожалуй, что нет. Хотя... Хотя, если уж быть до конца откровенной с самой собой, ей было приятно. Гена был симпатичным, аккуратным, перспективным в плане профессионального роста молодым человеком, и если бы не его увечье, то отбоя от претенденток на место рядом с ним у парня, несомненно, не было бы. И опять же не само увечье было причиной, а то, из-за чего он его получил.

Муссировались четыре версии. Первой и самой достоверной называлась автомобильная авария. Потом следовало участие в боевых операциях в горячих точках. Некоторые склонялись к версии ревнивого мужа, заставшего свою жену в объятиях Ген-

надия. И пару раз обсуждалась какая-то давняя и страшная история об ограблении банка и захвате заложников. В какой роли в этой истории выступал пострадавший Гена, не говорилось. Но слухи периодически вспыхивали с новой силой и обрастали все новыми и новыми подробностями, заставлявшими благовоспитанных девиц, к коим себя причисляла и Софья Перова, держаться от Гены подальше.

И вот вдруг ни с того ни с сего он тискает ее локоть в коридоре и в самых неприемлемых формах делает ей... предложение!

По представлениям Сони, это должно происходить совсем иначе и в другом месте. Как именно, она пока не знала. Но что иначе — она не сомневалась.

Она дождалась, когда дверь материального отдела бухгалтерии с силой хлопнула о притолоку, и только потом пошла в свой кабинет. Пытаться сейчас работать и уж тем более делать вид, что ничего не произошло, она не могла. Быстро схватила с подноса чайник и чью-то чашку и выпорхнула в туалет. Там она долго полоскала эту чашку, недоумевая по поводу того, зачем она ее взяла, а не прошла еще два метра за своей. Потом еще дольше намывала чайник и полоскала фильтр. Налила воду до нужной отметки. Поставила чайник на подставку рядом с умывальником и лишь тогда осмелилась посмотретья в зеркало.

Почему она? Почему не кто-нибудь другой, не Ольга Ветрова, например? При репутации Гены роман с такой дивой пошел бы ему в плюс. А Ольга, по Сониным представлениям, только того и ждала. Пару раз Соня ловила напряженный взгляд Ольги,

зафиксированный на Генкиной переносице. И все сплетни выходили только из их кабинета. Почему он предпочел любовь такой искусственной красивой дамы неумелым «бледно-розовым» чувствам Софьи Перовой? Нет ли тут подвоха?

Нет, эту мысль Соня отогнала сразу. Слишком взволнованным и подавленным выглядел Гена в момент своего спонтанного признания. Заподозрить его в сговоре с Ветровой было бы кощунством. Он и ответа от Сони никакого не потребовал. Просто выговорился и ушел. А она теперь стоит, пялится на свою физиономию в зеркале и пытается понять — каково это, быть кем-то любимой? Любимой до такой степени, чтобы желать оставаться вместе всю оставшуюся жизнь?..

Это было первое и самое необычное предложение руки и сердца! У Сони и раньше случались свидания и романы, но до подобного признания дело никогда не доходило. Да и чувств, подобных Генкиным, она не наблюдала ни в одном из своих воздыхателей.

Кто-то провожал ее из школы, кто-то — из института. Несколько раз случались ночевки у друзей на даче. Там много выпивали, курили, танцевали до потери сил и сознания. Ближе к утру разбредались по комнатам. И дачные домики оглашались скрипом кроватей и стонами подвыпившей молодежи. Соня Перова, так же как и все, уединялась с каким-нибудь Сашей или Вовой, в зависимости от того, с кем приезжала. Они без сил падали на кровать и до одурения и темноты в глазах целовались, но дальше поцелуев дело никогда не шло. Соня в этом вопросе была непреклонной.

— Ты просто садистка, Сонька! — стонали пар-

ни, измученные ее неприступностью. — Так же нельзя!

Можно! — считала Соня Перова, не позволявшая себе «ничего такого...». Еще как можно и нужно! Что может дать ей случайный секс, в случайном месте, со случайным партнером? Да ничего! Ничего из того, что она ждала и хотела получить от жизни. К тому же ни один из этих парней никогда и ни при каких обстоятельствах не намекнул ей о том, что хочет взять ее в жены. А секс и замужество для Софьи Перовой были вещами, неотделимыми друг от друга. Такое у нее было воспитание, и тут ничего поделать было нельзя.

К концу пятого курса почти все ее знакомые девчонки вышли замуж. Кто за сокурсников, кто за незнакомых Соне парней. Некоторые ухитрились выйти замуж именно за тех, с кем когда-то «зависали» ночами на дачах. А Соня — нет... Все как-то «не случилось» и «не пришлось». Ей со временем вообще стало казаться, что вокруг нее образовался некий круг, границы которого мужчины категорически не желают переступить.

— Надо было быть грешницей, — сетовала она на свою неприступность, всякий раз ставившую ей препоны. — Давно бы уже и замуж вышла, и детей бы имела.

— Нет, Сонька, — отвечали ей подруги, некоторые из которых успели развестись. — Дело тут не в грехе, а в твоём к нему отношении. Слишком ты какая-то...

— Правильная? — подсказывала Соня.

— Нет, не в этом дело. Мы тоже не распутницами рождены. Нет, тут дело в другом... На тебе боль-

шими буквами написано, чего именно ты ждешь от жизни.

— И что же это?

— Стабильности, уюта, благополучия, — подруги в этом месте обычно кривили губы в искусственных ухмылках. — А мужики этого страсть как боятся. Им подавай все, что угодно, но только не это. Романтики, вот! Вот чего тебе не хватает! Романтического блеска в глазах! Вот на тебя посмотришь — и сразу скажешь, что можно от тебя ждать. Сытный ужин, теплая постелька и нежный поцелуй в лобик на ночь. Приземленная ты какая-то, Сонька. Так нельзя...

Как можно, подруги не говорили. Они выходили замуж, рожали детей, разводились, страдали и вскоре снова были безмерно счастливы. А Соня по-прежнему оставалась одна. И не то чтобы от этого ей было хуже, просто она не уставала задаваться вопросом: почему все так...

И вот теперь Гена сделал ей предложение, даже не удостоив ее возможности дать ему ответ. Он был уверен в том, что она откажет? Или причина в том, что его предложение — все-таки розыгрыш? Разобраться в этом было сложно, а Соне отчего-то вдруг именно этого и захотелось — разобраться в причине, вынудившей Гену сделать ей предложение в полутемном коридоре их преуспевающей строительной фирмы.

Что для этого потребуется? Это был первый вопрос, который она задала самой себе, решив докопаться до сути.

Из зеркала в красивой хромированной оправе на нее взирало бледное лицо достаточно еще молодой и неискушенной в подобных делах девушки.

Яркие блестящие глаза, цвет которых колебался от нежно-голубого до темно-серого, в зависимости от освещения и настроения. Широкая линия бровей, выщипывать которые было сущим мучением. Правильной формы нос. Губы бантиком, словно у ребенка, которые, крась не крась, все равно не становились сексуальными. И бледные щеки. Эта их бледность, которую папа называл аристократической, сводила порой Соню с ума. На улице пекло, июль в самом зените, а ее лицо словно мукой обсыпано...

Да, это, пожалуй, самый большой минус в ее внешности. Все остальное вроде бы в норме. Фигура почти соответствует мировым стандартам. Ноги, конечно же, не такие шикарные, как у Ветровой, но тоже ничего.

Из этого следовало, что объективные предпосылки для возникновения интереса к ней со стороны коллег по работе все же имеются. И считать внимание Гены к ее персоне чем-то из ряда вон выходящим, пожалуй, не стоит.

Почему он сказал ей об этом в коридоре, а, скажем, не в кафе или не прогуливаясь в сквере? Да потому что такого варианта его просто-напросто лишили, отказав в возможности самой встречи. И если это так, то...

Соне не было суждено додумать свою мысль до конца, потому что дверь туалета распахнулась и вошла Ветрова. Так же как и Перова, Ольга пришла сюда с чайником и чашками. Понимающе хмыкнув Соне в спину, Ветрова загремела посудой у соседней раковины.

Стараясь, чтобы в ее движениях не было излишней суетливости, Соня взяла свой чайник, на-

дела на пальчик дужку чужой чашки и поспешила выйти. Не могла она дышать одним воздухом с этой женщиной. Хоть убей, не могла! И не в одних ее грубых манерах было дело. Было что-то еще: чем-то неприятно настораживающим веяло от этой дамы. Что-то такое, что шло вразрез с жизненно важными правилами Софьи Перовой, которые она никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушала.

Соня беспрепятственно достигла выхода из дамской комнаты, без посторонней помощи открыла дверь, когда Ветрова язвительно обронила ей в спину:

— Чем ты так расстроила нашего бедного калеку? Сначала он в галоп кинулся за тобой следом, хотя понятие «галоп» с ним несовместимо. — Ольга неприятно рассмеялась. — Потом вернулся, едва не плача. Ты отказала ему снова, Сонечка?

В вопросе было слишком много тайного смысла, чтобы отвечать на него.

Что она могла знать? Что за «отказ» подразумевался Ольгой? Знала она или нет о том, что именно сказал ей Гена?

— Нельзя быть такой бессердечной, дорогая, — еле слышно произнесла Ольга, и девушка, к своему ужасу, обнаружила, что последние слова та прошептала ей в самое ухо, стоя прямо за спиной и едва не касаясь высокой грудью лопаток Сони. — Чем ты так расстроила бедного мальчика? Почему бы тебе не быть с ним посговорчивее, а? Как ты думаешь, каков он в постели? Ты когда-нибудь задавалась вопросом, каков он в постели, Сонечка? Представляла ли ты его себе голым, Перова? Совершенно, совершенно голым... Без пиджака и его крахмальной сорочки с галстуком. Без брюк со

стрелками и без его начищенных ботинок... Так как, Перова? Что скажешь? Что тебе рисовало твое воображение? Как покраснели твои ушки, Сонечка, боже мой! Я угадала! Ты мечтала о нем... Как ты о нем мечтала, Перова? Как?!

Соне казалось, что она сходит с ума. Никто никогда не позволял себе разговаривать с ней в таком тоне о вещах, мягко говоря, не предназначенных для посторонних ушей. Нет, она не была ханжой и часто выслушивала от подруги дельные и ненужные советы. Но то подруги, а то Ветрова.

— Что тебе от меня нужно?! — не поворачиваясь, резко оборвала она сладко-хищный шепот Ольги. — Мои отношения с Геной тебя совершенно не должны волновать!

— Ах, простите, не знала! — Ольга быстро обошла Перову, без предупреждения толкнула дверь туалета, за ручку которой Соня ухватилась несколько мгновений назад, и нацелила в нее злобный взгляд. — У нас уже отношения? Надо же... И как давно у нас отношения, дорогая?

— Не твое дело! — решительно ответила грубостью на грубость Соня, хотя внутри у нее все заняло от собственного непозволительного хамства. — Пропусти!

— Так я и не держу тебя, — Ольга мгновенно стерла из глаз злобу и сменила ее на мягкий завораживающий свет, тут же преобразивший ее лицо, сделав его совершенным. — Ступай, дорогая. Только помни...

«Я не должна ее слушать. Это не ее дело, — твердила себе Соня, перехватывая поудобнее чайник и вновь берясь за ручку двери. — Я не должна позволять навязывать себе никаких ситуаций. Все,

я сейчас же уйду и забуду об этом разговоре и о беседе с Геной...»

Ей все это почти удалось. Почти, потому что, желая оставить последнее слово за собой, Ветрова с лицемерной заботой в голосе добавила:

— Гена не так прост, как кажется. Он может быть очень опасен. Ты же не знаешь, при каких обстоятельствах он получил свое увечье...

Она минуты три ждала, что Соня спросит: «А ты знаешь?» Соня не спросила. Тогда Ольга торжествующе изрекла ей уже в спину:

— А я вот в курсе, дорогая. И обстоятельства эти так ужасны, что тебе о них лучше не знать...

ГЛАВА 2

Ему было десять лет, когда он научился ненавидеть всех женщин одновременно. Невзирая на то, кем являлась для него каждая конкретная женщина, он ее ненавидел люто и бесповоротно. За мелочность, подлость, виртуозное умение предавать и беспричинно причинять боль. Кем бы ни была женщина, в ней всегда находилось этого добра с избытком. С тех пор минуло более двадцати лет. Он стал взрослым, научился быть сильным, поборол свою ненависть и выковал в себе умение противостоять этому адскому племени. Это нелегко далось ему и пришлось не сразу. Много раз он ошибался и позволял самому себе расслабляться и забывать об их подлой сущности, и тогда безжалостное прошлое вновь наступало его, и кошмар возвращался.

Со временем это стало его жизнеутверждающим правилом: никогда и ни в чем не доверяться

женщине. Он заработал себе репутацию настоящего Казановы, волка-одиночки, к тому же человека, над которым довлеет страшная тайна прошлого. Что ж, его это вполне устраивало. Женщинам не нужно было долго и нудно объяснять, что именно от них нужно. Все отношения с ними складывались из короткого знакомства, тихого ужина, можно при свечах, можно без них, бурного страстного секса и неизбежного расставания. Редко какой даме удавалось дважды побывать в его постели. Ту, которая побывала бы там хотя бы трижды, он вообще пока не встретил. Так и шло изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Казалось, что так все и закончится в один прекрасный или, наоборот, скверный для него день. Когда он наконец-то умрет, и тогда вместе с ним умрет все то, что продолжало делать его глубоко несчастным. Но судьба снова насмеялась над ним. Она послала ему еще одно испытание. То, которого он страшился и ждал одновременно. То, от которого ему было так больно, что хотелось выть и бросаться на стену, как в далеком детстве. И именно то испытание, миг которого был прекрасен...

Гена стоял в полутемном коридоре и смотрел на узкую спину уходящей от него женщины.

Что он только что сделал?! Как он посмел — слизняк, тряпка — так расслабиться?! Зачем он пошел на поводу у самого себя и у всех сразу?! Он не должен был не только разговаривать с ней, но и приближаться к Соне. А он, мало того, нес еще какую-то околесицу о чувствах и возможном совместном счастье. Какой вздор! Ему ли не знать, что этого быть не может — сразу по нескольким причинам. И причина крылась не только в нем самом и в

его комплексах и принципах. Причина была много хуже...

Соня... Сонечка... Девочка... Он не сомневался, что она все еще девочка. И дело было не только в ее физиологической целостности. Дело было в ее душевной нетронутости. Она была настолько чиста, настолько непорочна, что казалось, он видит вполне реальное сияние над ее головой. А как она пахла!.. Боже мой, ни одна женщина, которых он знал, не имела такой чистой белой кожи и такого запаха... Так пахнет роса, пыльца ландыша, так пахнет... его горькая и безнадежная любовь к ней.

Да, он наконец-то набрался смелости признаться самому себе в том, что любит ее. Это было его горе и его беда, потому что чем сильнее он ее любил, тем сильнее ненавидел. Да, да, та самая ненависть, которую он с годами победил, которая отравила ему все его детство, снова вернулась. Вернулась окрепшей и заматеревшей, чтобы окончательно свести его с ума и лишит одной-единственной смелой мечты о счастье.

— Ну что, Геночка, — Ольга Ветрова, которая ждала его возвращения, сразу все поняла — еще бы ей не понять его! — получил от ворот поворот? Тот же, не со свиным рылом да в калашный ряд.

— Замолчи! — заорал он на нее. Заорал, потому что они были одни, при посторонних он такого себе не позволял. — Я тебя просил!..

— Молчу, молчу, — покорно пробормотала она, но глаза смотрели с вызовом и насмешкой. — А ты — все такой же закомплексованный придурок, Гена. Время тебя не лечит...

— Если ты не заткнешься сию же минуту... —

его кулаки оперлись о край ее стола так, что побелели костяшки. — Я тебя выкину в окно, поняла?!

— Нет проблем, — обиженно произнесла Ветрова и поспешила выставить на его обозрение свои ноги, будто бы поправляя туфлю. — Далась она тебе, Гена... После стольких баб запасть на эту блеклую девицу... Пойми вас, мужиков...

Гена ей не ответил. Вернулся к своему столу и неловко за него уселся, пристраивая хромую ногу поудобнее.

— Ну, хочешь, я помогу тебе? — Ольга примирительно улыбнулась, сделавшись еще более привлекательной, чем прежде.

— Каким образом? — казалось, он погрузился в изучение отчета, но это была лишь видимость.

— Ну, поговорю с ней... Постараюсь убедить ее...

— Только попробуй! — Гена отодвинул в сторону кипу бумаг и выразительно глянул ей в глаза. — Ты ведь не дурочка, Оленька... Знаешь, чем тебе это может обернуться, так?

Она с минуту молчала, потом кротко вздохнула и молча кивнула ему.

— Вот так-то, детка. И прошу тебя, не лезь в это дело.

Ветрова встала с места, взяла чайник, чашки и, буркнув Геннадию что-то неодобрительное, ушла в туалет. Пробыла она там достаточно долго, а когда вернулась, то без лишних разговоров плеснула ему в лицо водой из чайника.

— Ты что, сука, озверела совсем?! — Гена поднялся было с места, но тут в кабинет вернулся Володя Самохин, и все дальнейшие объяснения с Ольгой пришлось отложить на потом.

А выяснить ему не терпелось. Что-то произош-

ло в тот промежуток времени, пока Ольга отсутствовала. Что-то здорово сильно ее взбесило, раз она позволила себе подобную вольность — плеснуть ему в лицо водой. Такое случалось не часто. Причина должна была быть донельзя объективной, чтобы Гена смог простить ее.

А может, ей и не требовалось его прощение? Может, эта испорченная стерва нарочно заводит его, чтобы снова повторить то, что однажды случилось?..

Нет, на сей раз он не пойдет на поводу у ее пороков. Пусть «упражняется» со своим мужем-конструктором. С кем угодно, но только не с ним. Ему одного раза было достаточно, чтобы понять: Ольга не поможет ему, как бы она ни старалась. И она должна была знать об этом. С чего же тогда взбеленилась...

Выяснилось все лишь после работы.

Выходили они вместе. И пока Гена провожал напряженным взглядом стройную фигурку Сони, бросившейся с поднятой рукой наперерез такси, Ольга терпеливо его поджидала на боковой аллее. Он всегда ходил этой аллеей домой с работы. Протяженность ее была полтора километра. Шел он по ней ровно сорок минут. Как раз столько времени ему требовалось, чтобы справиться с волнением либо со злобой, в зависимости от того, какие чувства его в тот момент обуревали. Потом он заходил в супермаркет, располагавшийся на первом этаже его дома. Покупал продукты, высокомерно шутил с рдеющими от счастья продавщицами и шел домой.

Его квартира, любовное гнездышко холостяка, располагалась на восьмом этаже. С окнами на мелкую речушку и кромку дальнего леса. Вид этот Гену

вполне устраивал. Жилье тоже. Удобная добротная мебель, которую ему помогли приобрести за границей знакомые ребята одной из посреднических фирм. Все было устроено и расставлено так, что создавалось ощущение огромного пространства. Кстати, в этом ему помогла одна из его случайных подружек. Девушка оказалась специалистом по дизайну жилых помещений. Пока она сидела в комнате в ожидании ужина, с которым Гена немного запаздывал, набросала несколько эскизов на салфетках. Он оценил по достоинству и ее дизайнерский профессионализм, и умение вести себя в постели. Девушка побывала у него в гостях дважды...

— Чем ты собираешься заниматься сейчас? — поинтересовалась Ольга, медленно вышагивая рядом с Геной по его любимой аллее.

— Какого черта ты окатила меня водой, дрянь?! — сквозь стиснутые зубы процедил он, совершенно не желая спускать ей с рук этого пакостного поступка. — Ты совсем обнаглела?! Самохин потом на меня два часа косился как на прокаженного... Мало мне тех сплетен, которые ты периодически распускаешь по офису, так теперь еще водой вздумала обливать! Знаешь, что с тобой за это нужно сделать?

— Знаю! — сипло пробормотала Ольга и, не стесняясь того, что их могут увидеть, вцепилась в рукав его куртки. — Знаю и хочу этого не меньше, чем ты, дорогой.

— Отстань! — грубо оборвал он ее и, отцепив ее руку, попытался пойти быстрее.

Сделать это ему было затруднительно, и Ольга без особых усилий догнала его и пошла рядом.

— Я знаю, Геночка, что редко какая женщина

удостаивается счастья дважды посетить твою кровать... Я там была всего однажды и надеялась, что...

— Не надейся! — снова оборвал он ее, но на сей раз менее убедительно.

Такси, в которое уселась Соня, медленно проехало вдоль той дорожки, по которой они шли. И то, что он увидел в окне машины, Гену не могло не порадовать.

Соня смотрела на него! Смотрела пристально и с нескрываемым интересом. Он знал толк в этом и за многолетнюю практику научился различать оттенки в настроении женщин. Теперь он не сомневался — ему удалось привлечь к себе ее внимание. А то, что сейчас рядом с ним шла Ольга, этот самый интерес со стороны Сони лишь подогревало. Подтверждение этому он получил уже через секунду, потому что Соня скосила взгляд в сторону Ветровой и лицо ее исказила гримаса отвращения.

— Что тебе сказала Перова? — пошел он вабанк, начав кое о чем догадываться. — Ты ведь ее подкараулила в туалете, так? И чем-то она тебя расстроила...

— Очень мне надо ее караулить! — возмутилась Ольга, которая тоже поймала взгляд Перовой, прежде чем такси укатило далеко вперед. — Просто столкнулись случайно, и все!

— Что она тебе сказала? — Ему не хотелось выставлять на показ свою слабость, но совладать с собой он уже не мог, поэтому почти умоляюще проворчал: — Олька, ну скажи, что?

— Идем к тебе, там и расскажу, — промурлыкала она с торжествующей улыбкой, за которую он ее ненавидел. — Поверь, мне есть чем тебя порадо-

вать. Но прежде должен будешь порадовать меня ты, дорогой...

Ему оставалось лишь согласно кивнуть головой и далее продолжить путь в полном молчании. Говорить больше было не о чем. Все остальное оба знали без слов.

ГЛАВА 3

Татьяна Ребрикова понуро тащилась к дому, в котором жила ее мать, и вспоминала о том, что успела купить ей сегодня. Упаковка макарон, хлеб, десяток яиц, килограмм сосисок и два литра молока. Пожалуй, можно будет пару дней не заглядывать. А к выходным закупить матери чего-нибудь побольше, чтобы в субботу с воскресеньем не дергаться и не ездить сюда. Ее мальчишки совсем от рук отбились, не видят ее почти. Работа, поездки к матери, а потом еще хлопоты по дому. На все нужно так много времени, что Татьяна порой путала дни недели. Где уж тут было не пропустить оплаченные счета, за которые ее сегодняшним утром так взгрили, что руки потом еще полчаса подрагивали.

— На ваше место знаете сколько претендентов?! — брызгал слюной коммерческий директор, потрясая анкетами перед ее носом.

Нет, она не знала и даже не догадывалась. Когда ей было думать об этом! Кто и когда метит на ее место? Мало ли кто! Может, ту же Соньку Перову втиснут. А что, чем не кандидатура? Девка с высшим образованием, умница, исполнительная. К тому же папа у нее кто-то там... Ему стоит только паль-

цем шевельнуть, как Соньку посадят на ее — Татьянино — место, и она будет у Сони на посылках.

При воспоминаниях о благовоспитанной холерной Сонечке Татьяну передернуло. Почему в этой жизни все устроено так несправедливо?! Почему кому-то — все, хотя он и пальцем не шевельнул для этого! А кому-то, как вот ей, приходится всю жизнь горбатиться и влечь тяжелый воз, а результат — нулевой!

Взять хотя бы ее и эту Соньку. Если у последней все было еще задолго до рождения, то Татьяна начала работать с седьмого класса, помогая матери разносить почту. Потом учила уроки, засиживаясь до полуночи. С великим трудом поступила в институт. И не потому, что обладала плохими знаниями, а потому, что смотрели на нее с плохо скрытой брезгливостью. Костюм ее, видите ли, никому не приглянулся. Подумаешь, не успела выстирать к экзаменам! Подумаешь, утюг сгорел так некстати, и выгладить костюм не удалось. Отвечала-то она блестяще!

Годы учебы... Вспоминать о них Татьяна не могла без душевной боли. Все та же брезгливость, граничащая с презрением. Полная изоляция от общей тусовки, и если бы не ее жажда знаний, она бы, наверное, сошла с ума от собственного одиночества. Потом она встретила Колю, и все изменилось. Она просто не могла позволить себе быть слабой рядом с этим беспомощным человеком, который научился любить ее безгранично и преданно. Иногда он напоминал ей подброшенного под дверь бездомного щенка, с которым она уже не сможет никогда расстаться.

Время шло, ситуация в стране менялась. Меня-

лись приоритеты, как это модно сейчас говорить. И Татьяне Ребриковой внезапно повезло. Ее пригласили работать в крупную строительную фирму на должность старшего программиста. Приличный заработок, стабильное положение, уважительное отношение со стороны коллег и вдруг... подобное заявление. Нет, она ни за что не позволит кому бы то ни было обойти себя. Ни за что! И пусть все молодые и крупные специалисты катятся ко всем чертям, а с ними заодно и Сонечка Перова, которая ничем еще не заслужила права на счастье. Как она ей сегодня врезала, послав в командировку именно в день ее рождения! У Татьяны просто ладони свело от желания потереть их друг о друга при виде огорченной Сонькиной мордашки. Ничего, переживет! Сядет за свой шикарный праздничный стол чуть позже. И сожрет приготовленный мамой ужин остывшим. Не думается, что от этого он станет хуже. Это не макароны с картошкой, жаренные на свином сале.

Вспомнив о своей семье, Татьяна грустно вздохнула. Кто бы мог подумать, что двое ее сыновей вырастут копией и подобием собственного отца, такие же «неудельные» и не приспособленные к жизни? Блаженные, одним словом. Так называла их мать Татьяны, жалея бьющуюся «о ребра жизни дочь».

Вновь вернувшись мыслями к матери, Татьяна посмотрела на ее подъезд. Дал бы бог пройти туда не замеченной этим... Она не могла дать определения человеку, который стал злым духом нескольких последних месяцев ее жизни. Поселился он здесь недавно и жил теперь в одном подъезде с ее матерью. Мать говорила, что он вроде бы снял здесь квартиру. Больше она о нем ничего не знала. Зато

Татьяна узнала предостаточно, всякий раз сталкиваясь с ним на лестнице.

Среднего роста, с плоским азиатским лицом и глазами рыси, смазливый мерзавец всякий раз считал своим долгом задеть ее каким-нибудь гадким замечанием. И отчего всегда так получалось, что они непременно встречались, караулил он ее, что ли?

Летом этот симпатичный хам обычно просиживал на скамеечке у подъезда. Закинув ногу на ногу, он лениво плевался семечками и провожал своими кошачьими глазами каждую проходящую мимо женщину. Именно летом Татьяна впервые услышала его едкое замечание в свой адрес. Услышала и остолбенела от возмутительной наглости. А парень, забавляясь ее смущением, продолжал изгаляться:

— Тяжело, конечно же, я понимаю... Под мышками мокро от пота. Денег на дезодорант наверняка нет. Я угадал? Ага, представляю, как с такой потной теткой ехать в вагоне метро... Сумки тяжелые? Еще бы! Нелегко, наверное, тоннами пожирать макароны и картошку, а потом состригать ботву с разных мест!

И вот в таком же духе проистекали и все последующие встречи. Тема всякий раз менялась. Хамом бралось на вооружение все, что угодно. Он мог зацепиться за пуговицу на ее блузке и унижить Татьяну так, что она была готова сорвать блузку с себя и начать хлестать этого наглеца прямо по его азиатской морде...

Она зорко огляделась. Кажется, сегодня ей повезло. Территория у подъезда, освещенная фонарем, была пуста. Подъездные двери тоже никто не подпирал. Видимо, мерзавец тоже не любит октябрьской непогоды, сидит себе в своей квартире-

юрте и курит кальян. Или как он там у них называется...

Перехватив поудобнее сумки — одна для своей семьи, другая для матери, — которые порядком оттянули ей руки, Татьяна быстро юркнула в подъезд. Двери лифта открылись мгновенно, стоило ей ткнуть кнопку подбородком. За долгую жизнь в этом доме Татьяна наловчилась управляться с лифтом именно так, ей не нужно было перекладывать сумку из одной руки в другую либо ставить поклажу на заплыванный пол.

Она быстро шагнула в слабо освещенную кабину и совсем уже было вздохнула с облегчением, когда сзади ее кто-то бесцеремонно толкнул и, перед тем как дверям лифта закрыться, в ухо ей гнусаво пропел самый ненавистный из всех — его — голос:

— Ну что, старуха, попалась?..

Поначалу она остолбенела и даже забыла испугаться. Продолжала стоять спиной к тому, кто так возмутительно повел себя с ней, и силилась понять, что именно кому-то от нее понадобилось.

Потом, когда до нее наконец-то начало доходить, в какую ужасную ситуацию она попала, Татьяна перетрусилась основательно.

Лифт медленно миновал первый этаж, второй, начал подниматься к третьему и неожиданно остановился.

— Все, старуха, кина не будет! Стоим...

Татьяна медленно повернулась и тут же обессиленно привалилась к стене кабины. Тешить себя надеждами не приходилось, что-то у этого поганца определенно было на уме. Недаром он подкараулил ее и вошел в лифт следом за ней. И опять же — эта остановка...

— Что с лифтом? — спросила она хрипло, удивляясь тому, как это слова сумели проползти сквозь ее горло.

— О! Да мы, оказывается, говорить умеем! — казалось, он удивился, но его хищные рысьи глаза говорили совсем о другом. — Что же раньше меня не удостоила чести? Почему никогда не говорила со мной, старуха?

— О чем? — Татьяна решила не злить парня и потянуть время: кому-нибудь непременно понадобится лифт, что-нибудь обязательно произойдет, и тогда она вырвется из этой ужасной клетки с этим страшным хищником. — Что вас интересует?

Его ничего не интересовало. Ему нужен был предлог для дальнейших измывательств над бедной Татьяной. А она, как назло, не давала никакого повода. Вела себя смиренно, даже пыталась поддерживать беседу. А в сумки-то как вцепилась, боже правый, словно там у нее бесценный груз.

— Что несешь, старуха?

Зачем она инстинктивно попыталась спрятать сумки за спину? Что хотела уберечь от его глаз? Пакеты с молоком или буханку хлеба? Ему нужен был повод, разве не понятно? Татьяна ему этот повод предоставила. Все дальнейшее было настолько мерзким и унижительным, что подобное Татьяне не могло привидеться даже в самом страшном кошмаре. Вернее, она не могла себе представить, что так вообще можно обращаться с человеком. С ней — женщиной, женой и матерью двоих детей, старшим программистом солидной фирмы.

— На колени! — брызгал он ей в лицо слюной, разбрасывая по кабине ее покупки. — Так, правильно! А теперь задирай подол, старуха, хочу по-

смотреть, что там у тебя не так, чего это ты такая угнетенная...

Слезы текли по ее лицу, смешиваясь с потом, от которого взмокли все волосы и прилипли неряшливыми прядями к вискам и щекам. Мучителя не трогали ее слезы и уговоры. Он то хватал Татьяну за волосы, ставил на колени и прижимал лицом к грязному истоптанному полу. То поднимал на ноги, заставлял задираť подол юбки до самого подбородка и издевательски пинал ее ногами.

— Так, а сейчас мы с тобой позабавимся по-другому, — пообещал он Татьяне и принялся расстегивать ремень на джинсах.

О том, что последует дальше, она могла лишь догадываться, и ей очень захотелось умереть именно сейчас. Ни минутой, ни двумя позже, а именно в этот миг, пока он еще не расстегнул своих штанов и не сотворил с ней того, после чего и смерть ей не станет избавлением.

Татьяна не могла молиться, она никогда не верила в бога. Она не знала, кого просить избавить ее от этого ужасного извращенца, которому она отчего-то была так ненавистна. Она оцепенела и с полыхающей болью в сердце ждала, что будет дальше. Но провидение все же сжалилось над ней и послало ей спасение в лице нетерпеливых жильцов, которые принялись колотить по закрытым дверям шахты лифта и орать благим матом, что, если это хулиганство не прекратится, они немедленно вызовут милицию...

— Повезло тебе, старуха, на сей раз, — с сожалением обронил ее мучитель, доехав до своего этажа и покидая кабину лифта. — Но в следующий раз не повезет, будь уверена.

Он вышел, а Татьяна принялась сгребать с пола свои покупки и рассовывать их по сумкам. Ей почти удалось привести себя в порядок, когда она вышла на этаже, где жила ее мать. Она поправила волосы, одернула одежду и отерла лицо от пота и слез. Все внутри у нее окаменело до такой степени, что уже не было ни боли, ни страха. Она приняла решение. Оно пришло мгновенно, всплыло из сознания, стоило мучителю произнести свои последние слова.

— Это тебе не повезет, — прошептала Татьяна, вставляя негнушимися пальцами ключ в замок материнской двери. — Это тебе не повезет, гадина, потому что в следующий раз я тебя убью!

ГЛАВА 4

— Ма-аа! А молока нет?! — ломающийся тenorок сына заставил Ольгу выйти из ставшего привычным сомнамбулического состояния. — А чё тогда?

— Да, сын, Земля без молока перестанет вращаться, и с неба на нас посыпятся камни. Попей чаю. Там, кажется, где-то был батон... — Ольга стояла у окна в байковой ночной рубашке, которую не навидела ничуть не меньше своей несложившейся жизни. — Если нет, то надо бы сходить и купить...

— Ма, ты чё, когда мне бежать за хлебом, у меня сегодня зачет! Ма, ну чё делать-то без молока?

Сын определенно требовал к себе внимания и, кажется, не думал отставать от нее, совсем забыв, что сегодня пятница — конец рабочей недели, что она устала и, как всегда, не выспалась. А значит, пребывает с утра в прескверном расположении духа. Ей еще предстоит заставить себя влезть под хо-

лодный душ. Потом долго и обстоятельно приводить свое тело и мысли в порядок. А как всем этим заниматься, когда молоко так некстати кончилось!..

— Сын, отстань от меня! Выпей чаю, в конце концов, с печеньем, там осталось с вечера, — огрызнулась Ольга и, пока сын не опомнился, закрылась в ванной.

Там она стянула через голову ночную рубашку и с отвращением зашвырнула ее за корзину с грязным бельем, которая, кстати, была под завязку набита. А что это могло означать? Только то, что выходные она посвятит грязным трусам, носкам и майкам и не выкроит ни единой свободной минуты на то, чтобы...

Тсс-сс, об этом нельзя... Об этом нельзя не только говорить вслух, но даже думать нельзя... Потому что обуревающие ее чувства смогут выплеснуться наружу, и тогда она выдаст себя с головой. А этого пока делать нельзя. Пока... Потом — там видно будет. А пока — тсс-сс...

Ольга тихонько рассмеялась. С тайным злорадством послушала, как беснуется в прихожей сын, рассерженный отсутствием молока. Ничего, переживет. Избаловала все семейство, теперь вот пожиная плоды...

Ледяные струи воды обожгли разгоряченную со сна кожу, и Ольга невольно взвизгнула. Именно так она взвизгнула тогда, когда... тсс-сс, об этом тоже нельзя. Потому что тут же кровь начала обжигать вены, будто ее разбавили кипящей лавой.

Господи, Ольга и представить себе не могла, что в этой жизни можно так сильно чувствовать! Все ее прошлое не шло ни в какое сравнение с

тем, что произошло несколько месяцев назад в ее жизни.

Это обрушилось на нее, словно снег на голову. Это будто ударило ей под дых и заставило надолго затаить дыхание. Это было что-то такое, с чем Ольга была не в силах и не смогла бороться...

Она пыталась поначалу как-то это нейтрализовать, затачив в постель закомплексованного на своих прежних бедах Генку. Не давала по ночам спать своему супругу, доводя его своей гиперсексуальностью почти до полуобморочного состояния.

Все было бесполезно. Это вошло в ее кровь и сделало ее больной и слабой. Ольга боялась дать определение своему состоянию, но подозревала, что ее болезнь носит весьма тривиальное название. Любовь...

Она перекрыла воду. Протерла запотевшее зеркало и придирчиво себя осмотрела. Высокая упругая грудь. Хорошо, что она не пошла на поводу у мужа и его разлюбезной мамочки и не стала кормить детей в младенчестве, иначе такого бы не наблюдалось. Живот плоский, талия тонкая, а ноги... Ноги были предметом ее гордости. Ноги у Ольги были не просто красивыми — они были роскошными. Так мало этого, она еще очень умело преподносит эту красоту. Походка, обувь, длина юбок — все было направлено на то, чтобы подчеркнуть их совершенство.

Так ей было об этом и заявлено в тот душный летний выходной, когда Ольга сидела на скамейке в сквере и обмахивалась газетой. Сбоку от ее левой ноги стояла пара сумок с картошкой, капустой, хлебом и прочей дребеденью, которую ей надлежало переработать и превратить в удобоваримый обед

и ужин. Была суббота, и народу в сквере почти не было. Все разъехались кто куда. Кто на дачу, кто на реку, кто под душную тень загородных лесов.

Ольге ехать было некуда. Дети отдыхали в детских лагерях. Супруг подался к ненаглядной мамочке, помогать ей чистить вишню от косточек. Очень эти двое уважали вишневое варенье. А Ольге ехать было некуда, она скучала одна. Совершенно одна в душном пыльном городе, с плавящимся асфальтом и тающим мороженым, с раздраженными и одуревшими от жары продавщицами этого самого липкого тающего мороженого.

Она вышла из троллейбуса за две остановки до той, на которой выходил ее муж. Он скользнул по ее щеке быстрым поцелуем, посетовал на занятость и с облегчением помахал ей рукой в троллейбусное окно. Уехал к маме, а Ольга пошла на рынок. Набила сумки овощами. Потом выбралась на тротуар и тут же увязла тонкими каблучками летних босножек в разогретом полуденным солнцем асфальте. Беспомощно оглянулась и, обнаружив неподалеку уютный скверик со скамеечками в тени огромных тополей, поспешила туда.

Там было славно. Относительно прохладно и безлюдно. Это было как раз то, что сейчас ей требовалось для восстановления душевного равновесия. И она его почти обрела, когда на горизонте появился этот субъект. Они выхватили друг друга взглядом, еще находясь метров за десять друг от друга. Мгновенно обежали глазами с головы до ног объект, привлекая их внимание, и с пониманием дела оба улыбнулись.

Он сел рядом с ней и молчал какое-то время. Потом сказал:

— Привет... Скучаем?

Ольга не ответила, величественно поменяв ноги местами, то есть левую переложила на правую. Полы легкого ситцевого сарафана разъехались в стороны, так как пять последних пуговиц никогда не застегивались. Была у Ольги такая «фишка»: если длинная юбка, то непременно с разрезом либо с незастегнутыми пуговицами.

Ее манипуляции не остались незамеченными и были оценены по достоинству. Мужчина наклонился. Вытянул руку. Коснулся ее щиколотки и медленно, так, что у нее мгновенно перехватило дыхание и взмокла спина в вырезе сарафана, провел пальцами по ее ноге. Пальцы с коротко стриженными розовыми ногтями остановились на уровне ее колена и замерли. Ольга перевела взгляд с пальцев на его лицо. Он смотрел вопросительно. Разумеется, а как же еще! Первый шаг им был сделан, выбор за ней. И тогда она... И тогда Ольга сделала шаг ему навстречу. С совершенно хладнокровным видом она чуть заметно кивнула, поощряя его на дальнейшие действия.

— Такое совершенство мало видеть, — пробормотал он тогда хрипло, двинувшись пальцами в запретное путешествие по гладкой коже ее ноги. — Его надо чувствовать... Его надо...

Он замолчал, глядя ей прямо в зрачки своими азиатски раскосыми и потемневшими, будто грозовая ночь, глазами. Ольга молчала тоже. Все было понятно без слов. Они были сейчас лишними. Тогда он убрал руку с ее ноги. Поднялся, предварительно подхватив с земли ее сумки. Какое-то время смотрел на нее, прищурившись, затем коротко обронил:

— Идем...

И пошел, не оглядываясь, вперед. Он был уверен, что она последует за ним, потому что он знал, кто она. Не в буквальном смысле, конечно, но он точно знал — кто она.

Одна из тех романтических особ, не растрачивающих ждущего блеска в глазах до глубокой старости. Они всегда чего-то обязательно ждали. Будь они трижды счастливы и богаты, они не переставали ждать. Беда была в том, что эти женщины не знали сами, чего ждут. Но это была их беда, не его. И на беде этой дамочки он хотел сыграть. Он еще не знал точно, для чего она ему нужна. Но был уверен в том, что она ему непременно понадобится. Чем больше людей, тем лучше. Больше народу, больше путаницы. А путаница ему была ох как необходима!

Все запутать, замести следы, спрятаться... Какие еще существуют понятия, способные помочь ему избежать возмездия?.. Да мало ли какие. Чем их будет больше, тем лучше. Все перемешать, чтобы никто и никогда не сумел докопаться до правды. Не такие уж они умники, чтобы раскусить его хитрость.

Они сели в такси и в полном молчании доехали до его дома. Ему ни к чему было скрывать свое место жительства. Как раз наоборот...

Выйдя из такси, Ольга беспомощно оглянулась. Что она делает?! У нее муж и двое детей. Пусть не всегда они ее радуют, особенно в последнее время. Но это ее семья, и она ее любит. В конце концов, она всегда только об этом и мечтала. Кто же мог думать, что это так обременительно и прозаично. И все же она не может так поступить с ними, и...

— Идем... — вновь требовательно произнес ее спутник и пошел к подъезду с провисшим козырьком из давно проржавевшего железа.

Парень оказался скуповат на общение. Ни слова по дороге. Полное молчание в лифте. Даже в полутемной прихожей, куда Ольга с опаской ступила следом за ним, он не произнес ни слова. Швырнул небрежно ее сумки почти у самого порога. Тщательно запер дверь. И тут же пошел из прихожей, даже не взглянув на нее.

Честно говоря, Ольга опешила. Ей-то что делать? Продолжать стоять у порога и ждать, когда он проявит наконец чудеса гостеприимства? Но, судя по предыдущим его поступкам, этого не случится. И Ольга пошла в глубь квартиры, не дождавшись приглашения.

Квартира не принадлежала ему до недавнего времени, это было очевидно. Какие-то стеллажи в прихожей, забитые пустыми банками и старой обувью. Два огромных узла она обнаружила уже в комнате.

Огромное окно без штор с широким подоконником. Домашний кинотеатр у самого окна, явно приобретение нового хозяина. Как и широченная разобранная кровать, занимающая большую часть комнаты. Все остальное — тумбочка, черно-белый телевизор на ней, два продавленных кресла — принадлежало, по всей видимости, прежним жильцам. Комната была всего одна, и самым неожиданным открытием для нее было то, что в ней этого типа не было.

Ольга растерянно заморгала и только хотела оглянуться, как сзади ее обхватили его руки и с силой притянули к себе. Тут она, не сумев сдержаться, и

взвизгнула. Получилось неловко, некрасиво, как-то не по-женски. Ольга смутилась и покраснела. Ей так хотелось быть неотразимой и сексуальной, а тут...

Но он не обратил на это внимания. Или обратил, но смолчал из вежливости. Осторожно, как фарфоровую, развернул ее к себе лицом. Что-то неслышное выдохнул ей в ухо. И все... Все остальное было настолько новым и невероятным для нее, что все ее чувства слились в одно огромное и неповторимое ощущение обжигающего блаженства.

Ольге казалось, что она сходит с ума. Что так не бывает, так не может быть с человеком, которого видишь впервые в своей жизни! Но так было, было, было... Она умирала и рождалась заново. Она молила о пощаде и просила его взять ее снова и снова...

Потом она долго шла домой. Шла пешком, пытаясь остудить разгоряченное тело и полыхающую душу в теплых потоках закатного воздуха. Вошла в квартиру и, обрадовавшись тому, что супруга все еще нет дома, юркнула в ванную.

Ледяной душ. Только он способен помочь ей снова обрести себя — домашнюю и верную, спокойную и хлопотливую. Но нет, не помог. Ни ледяной душ, ни время. Ничто не спасло ее от дикого зова, который всякий раз гнал ее к нему. Это происходило снова и снова. Это затягивало ее, как омут. И это становилось тем, без чего она уже не могла жить...

Ольга судорожно вздохнула и критично осмотрела себя в зеркале. Хороша! Без ложной скромности можно сказать, что хороша. Теперь еще необходимо правильно подобрать одежду, чтобы после работы сразу уехать к нему, не переодеваясь. Сего-

дня ей нужно быть неотразимой и в то же время поделовому подтянутой. Сегодня, в пятницу, двадцать девятого октября, у Ольги важный день. Так, во всяком случае, она решила. День, который в корне изменит всю ее дальнейшую жизнь. День, которого она ждала слишком долго...

Он должен будет позвонить ей во второй половине дня и назначить встречу. Она чуть опоздает. Зайдет купить бутылку шампанского и фруктов. Пусть инициатива сегодня исходит от нее. Пусть это для него явится сюрпризом. Лишь бы сегодняшний день удался. Господи, сделай так, чтобы он удался! Чтобы никто и ничем не испортил ей настроения. И чтобы к нему она пришла такой же свежей и не взвинченной, как в эту минуту.

Все с самого утра пошло не так...

Все словно пошло с ума, заставляя ее нервничать и кричать на них. Орать ей было никак нельзя, потому что, когда она нервничала, лицо покрывалось красными пятнами, которые долго потом не проходили. Но Ольга ничего не могла с собой поделывать. Все, начиная с Генки и Володьки Самохина и заканчивая этой бледнолицей дурой из отдела АСУП, словно заключили негласное соглашение, с тем чтобы вывести ее из себя. Она надерзила своему непосредственному начальнику Володьке. Вывела из себя Генку так, что после обеда он отпросился и ушел домой. Ну и, конечно же, не обошла вниманием Перову. Той досталось по полной программе.

Не будут к ней лезть, черт возьми! Ей ни до чего сегодня нет дела! У нее сегодня очень важный день. Очень! И ничто не способно своротить ее с того пути, который она для себя выбрала. И тот факт, что